
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИДИЛЛІИ ѲЕОКРИТА

Переведены съ Греческаго

Егоромъ Сферинымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ
1808 года.

Печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГАВРІИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ

съ благоговѣніемъ посвящаетъ
Переводчикъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Идилліи Өеокрита здѣсь не всѣ. Переведено только выбранное. Нѣжный пѣвецъ Сициліи, легкій Геній Сиракузскій неподражаемъ въ своихъ идилліяхъ. Находя у него удивительную простоту, очаровательную сладость, любезную непринужденность и всѣ сельскія прелести природы, болѣе можно чувствовать, нежели выразить оныя. Такъ льзя ли ожидать совершеннаго перевода? Не лучше ли бы совсѣмъ не прикасаться къ тому, чего дотрогиваясь, не льзя не попортить? — Пусть міръ (безпристрастный, имѣющій изящный вкусъ) судитъ, и отвѣчаетъ на это. Съ трепетомъ вручаю ему посильный трудъ свой, и ничего не говорю, кромѣ того, что при переводѣ стараніе мое было—не отступать далеко отъ подлинника, и

держаться, сколько можно, простоты, отличающей Θеокритовы пѣсни отъ всѣхъ прочихъ. Естьли бы надежда на благосклонность любителей изящнаго меня не обманула, то со временемъ представилъ бы имъ въ исправнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ Идилліи Θеокрита.

ИДИЛЛІИ ѲЕОКРИТА

ИДИЛЛІЯ I.

ПѢСНЬ.

ѲИРСИСЪ и ПАСТУХЪ.

Ѳирсисъ.

Пріятенъ шумъ вѣтвей, любезной пастушокъ,
На этой сосенкѣ, глядящейся въ потокъ:
Пріятно, другъ, и ты въ свирѣль свою играешь.
Ты мѣсто первое по Панѣ (1) занимаешь;
Коль долженъ онъ козла за пѣнье взять себѣ,
Ты — козу; козу онъ — такъ козочка тебѣ,
А мясо козочки прекрасно, всякой знаетъ,
Доколь еще она не доена бываетъ.

Пастухъ.

О Ѳирсисъ! сладостнѣй журчанья сей воды,
Ліющейся съ горы, поешь, играешь ты;
Коль Музамъ жертвовать овечкою своею,
То агнецъ долженъ быть наградою твоею,
А естьли агнца имъ надлежитъ посвятить,
Ты овцу, другъ, тогда достоинъ получить.

Ѳирсисъ.

Приди, о пастушокъ! подъ тѣнь деревъ дубравныхъ,
И сѣдши на холму — для Нимфъ веселонравныхъ! —
Съиграй въ свирѣль свою, а я межъ тѣмъ пойду,
Твоихъ пригоженькихъ овечекъ попасу.

Пастухъ.

Какъ можно въ полдень пѣть, о Ѳирсисъ! намъ съ тобою?
Что, естьли Пана я чрезъ то обезпокою?
Отъ ловли утомясь, онъ въ это время спитъ,
Ты знаешь, какъ всегда бываетъ онъ сердитъ!
Но — Ѳирсисъ! ты узналъ злы Дафниса мученья,
Узналъ искуство все пастушескаго пѣнья;
Такъ сядемъ, другъ, съ тобой подъ древнимъ вязомъ симъ,
Пріапа, Нимфъ рѣчныхъ кумиры здѣсь мы зримъ,
Вотъ здѣсь пастушеска бесѣдка передъ нами
Между высокими, тѣнистыми дубами;
И — естьли воспоешъ мнѣ такъ, какъ прежде пѣлъ,
Когда ты съ Хромисомъ Ливійскимъ въ споръ взошелъ,
То вотъ коза, что двухъ козленочковъ питаетъ,

Межъ тѣмъ какъ дважды въ день дойникъ
свой наполняетъ —
Три раза подоить ее тебѣ даю,
А сверьхъ сего кувшинъ глубокой подарю,
О рукояткахъ двухъ, лишъ сдѣланъ —
такъ и снется,
Отъ воска и рѣзьбы пріятной запахъ
льется (2);
Вкругъ рыльца нѣжный плющъ на немъ
изображенъ,
Сей плющъ цвѣточками златыми испещ-
ренъ
И вѣтвію обвитъ съ шафранными плодами;
Внутри — какъ будто бы самихъ боговъ
руками
Написанную зришь красотку предъ собой
Въ волнистой мантіи, подъ золотой фатой;
Предъ ней любовники разряженные таютъ,
Ихъ двое, оба ей понравиться желаютъ,
Оспорить силятся другъ друга съ жаромъ
всѣмъ,
Но женщина сія не трогается тѣмъ,
Она то одного улыбкой восхищаетъ,
То будто полюбить другаго обѣщаетъ,
Межъ тѣмъ какъ бѣдные любовники гля-
дятъ,
И тщетно пріобрѣсть любовь ея хотятъ.
Подалѣе скала кремниста выдается,
На коей старичокъ со мрежею влечется,
Закинуть онъ ее немедленно спѣшитъ,
И чуть чуть, кажется, подъ бременемъ
дышитъ;
На шеѣ старика надуты видя жилы,
Сбираетъ, скажешь, онъ всѣ истощенны
силы?

Нѣтъ, нѣтъ! хоть онъ и старъ, но бодръ, какъ молодый.
Вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ сей приморскій мужъ, сѣдый,
Зришь виноградный садъ, прекрасно насажденный
И алымъ гроздіемъ повсюду отягченный,
Сей садъ со всѣхъ сторонъ плетнемъ обгороженъ,
Подлѣ плетня стеречь садъ мальчикъ посаженъ;
Сидитъ онъ — хитрыхъ двухъ лисицъ не примѣчаетъ,
Одна бѣжитъ сквозь садъ, и ягоды срываетъ,
Другая съ завтракомъ увидѣвши суму,
Не хочетъ ничего оставить въ ней ему,
А онъ съ соломою тростникъ переплетаетъ
И сѣть для травяныхъ кобылокъ составляетъ,
Забывъ и виноградъ, забывъ и завтракъ свой,
Плететъ — и думаетъ о сѣти лишь одной.
Вездѣ вокругъ сего кувшина драгоцѣнна
Аканта вьется вѣтвь, рѣзцомъ изображенна;
Ты удивился бы, взглянувши на него!
Мнѣ Калидонянинъ одинъ досталъ его,
Я жъ козу далъ за то, да сыръ большій прибаьилъ,
И — ко рту никогда кувшина не приставилъ;
Изволь, тебѣ его съ охотой подарю,
Коль скоро, другъ, споешь мнѣ пѣсенку свою;

Ну пой же, я тебѣ завидовать не буду,
И наградить твое искуство не забуду.

Ѳирсисъ.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Названье Ѳирсисъ мнѣ, живу при Этнѣ я,
Вотъ голосъ мой каковъ, послушайте меня.
Какъ Дафнисъ страстью тлѣлъ, о Нимфы! гдѣ вы были?
Иль при Пенеѣ вы, или на Пиндѣ жили? 3)
Ни на Анаповомъ васъ не было брегу,
Ни на Акисовомъ, ни Этны на верьху!

Начните, Музы. пѣть пастушескую пѣснь!

По немъ весь слышалъ лѣсъ волковъ, рысей рыданье,
По немъ левъ изпустилъ ужасное рыканье.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Къ нему, нещастному все стадо собралось,
И все у ногъ его слезами залилось.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Сперва Ермій къ нему съ горы своей спустился,
И рекъ: что Дафнисъ мой? въ кого ты такъ влюбился?

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Пришли къ нему коровъ, овецъ, козъ пастухи,

Что сдѣлалось съ тобой? съ смущеньемъ
всѣ рекли.
Пріапъ пришедъ, сказалъ: что Дафнисъ?
о нещастный!
Подруги твоея не видитъ взоръ твой
страстный!
Близъ рѣкъ, въ глуши лѣсовъ—убѣжище ея!
Съ своею ревностью бѣжитъ она тебя!

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Бѣжитъ — и такъ бранитъ: „злодѣй, злодѣй невѣрный!
„Ты прежде былъ уменъ, былъ пастушокъ
примѣрный,
„А нынѣ сталъ похожъ на глупыхъ пастуховъ,
„Которые смотря на козъ и ихъ козловъ
„Попарно свыкшихся .... завидуютъ имъ,
млѣютъ,
„И для чего они тутъ не козлы, жалѣютъ:

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

„Подобно ты смотря на дѣвушекъ младыхъ,
„Весь таешь и грустишь, что не въ кругу у нихъ.„
Всё слушалъ пастушокъ, и всё хранилъ
молчанье,
Страдалъ — и въ гробъ нести намѣренъ
былъ страданье.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Киприда наконецъ веселая пришла,
Съ улыбкой на устахъ, а съ гнѣвомъ внутрь,
рекла:

Что Дафнисъ? побѣдить Эрота ты хвалился
Не ты ль теперь его всей волѣ покорился?

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Киприда страшная, ей Дафнисъ отвѣчалъ,
Киприда, коей видъ мнѣ ненавистенъ сталъ!
Киприда, смертныхъ всѣхъ мучительница злая!
Изчезла, думаешь, надежда дорогая? . . .
Нѣтъ! — Дафнисъ и тогда, какъ въ мрачный адъ сойдетъ,
Все вѣрность, и печаль Эроту принесетъ! (4)

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Поди на Иду (5) ты, гдѣ пастушокъ плѣненный. . .
Къ Анхизу поспѣшай, гдѣ дубы возвышенны;
Тамъ для тебя ковры муравчаты лежатъ,
И пчелки вкругъ ульевъ пріятно тамъ жужжатъ.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Адонисъ милъ, хорошъ; стада онъ въ лугъ гоняетъ,
Онъ зайцевъ и другихъ лѣсныхъ звѣрей стрѣляетъ.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Лети къ Діомеду, сойдися и скажи:

Мной Дафнисъ побѣжденъ, ты въ бой со
мной вступи.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

О волки, рыси всѣ, медвѣди всѣ, простите!
Вы Дафниса уже въ сихъ рощахъ не узрите.
Прости Арепуза! (6) простите всѣ и вы,
Съ вершины Тимбровой текущіе ручьи!

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Я Дафнисъ, здѣсь стада на паству выгонявшій,
Я Дафнисъ, здѣсь водой ихъ чистой напаявшій.

Начните, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Панъ! на Ликейской ли (7) горѣ теперь живешь,
Или въ Меналовыхъ окрестностяхъ поешь?-
Приди въ Сицилію, ко мнѣ, нашъ Богъ почтенный!
Оставь Еликовъ мысъ и памятникъ священный!

Престаньте, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Приди, нашъ царь! возми — тебѣ я отдаю
Свирѣлку милую, душистую мою.
Любовь мнѣ смерть — не жизнь, мученье — не отрада,
Я низвергаюся отъ оной въ бездну ада!

Престаньте, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Отсель на терніи фіалки пусть цвѣтутъ,
Пускай нарциссы днесь можжуху въ плодъ
несутъ,
Пусть сосна каждая днесь груши произво-
дитъ,
Пускай въ семъ мірѣ все напротивъ про-
исходитъ.
Нѣтъ Дафниса — и пусть олени ловятъ
псовъ,
Пусть совы будутъ пѣть пріятнѣй со-
ловьевъ!

Престаньте, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Сказалъ—и Дафниса на свѣтѣ семъ не стало,
Киприде пришупить хотѣлось смерти жало:
Но Парка строгая нить жизни прервала,
И Дафниса судьба ко Стиксу привела;
Разверзшись черная пучина поглотила
И отъ несносныхъ узъ того освободила,
Который въ жизнь свою любезенъ Нимфамъ
былъ,
Котораго весь сонмъ священныхъ Музъ
любилъ.

Престаньте, Музы, пѣть пастушескую пѣснь!

Давай же, другъ, кувшинъ и козу мнѣ за
пѣнье!
Пусть Музамъ сдѣлаю сегодня приношенье!
Васъ, Музы милые! привѣтствую, люблю —
Еще пріятнѣе для васъ я воспою!

Пастухъ.

О! да наполнятся уста твои сотами,
И фигъ Аттическихъ пріятными плодами!
Ты лучше, сладостнѣй кузнечика поешь;
Вотъ мой тебѣ кувшинъ — пускай себѣ возмешь,
Смотри, какъ отъ него, другъ, пахнетъ — ощущаешь?
Въ рѣкахъ богинь временъ онъ вымытъ, ты почаешь.
Киссета! (*) подь сюда! — ну дой — ужъ часъ пришелъ.
Вы, козы, посмирнѣй! — чтобъ не убилъ козелъ! —

(*) Имя козы.

ИДИЛЛІЯ II.

Волшебница.

Гдѣ лавры?...чары гдѣ?... Ѳестила! подавай,
Пурпуровой волной стаканъ сей увѣнчай;
Хочу, чтобы злодѣй, любезный мнѣ, смягчился,
Двенадцать дней, какъ онъ отселѣ удалился,
Не знаетъ, умерли, иль живы мы съ тобой,
Жестокой и къ дверямъ не придетъ ни ногой;
Знать вѣтреный Эротъ и Афродита злая
Хотѣли, чтобъ ему понравилась другая!...
Ахъ! завтра милаго увидѣть поспѣшу,
Близь Тимагетовой Палестры 1) и спрошу:
Почто толь жестоко со мною поступаетъ?
А нынѣ — пусть мои волшебства онъ узнаетъ!
Божественна Луна! свѣти свѣтлѣе мнѣ,
Я гласъ мой вознесу къ Экатѣ и къ тебѣ,
Экатѣ, коей видъ псовъ адскихъ въ страхъ приводитъ,
Какъ по гробамъ она и черной крови ходитъ.
Эката страшная! привѣтствую тебя,
Молю — не оставляй ты до конца меня!
Да чародѣйствую такъ сильно, какъ Цирцея,
Такъ какъ Перимида, иль злобная Медея!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Мука въ огнѣ горитъ!... Ѳестила! не зѣвай!...

Что ты? ... ахъ! глупая! ... еще муки
бросаи!
Уже ли буду я игрушкою твоею?...
Ахъ! сыпли, и скажи: *Дельфиса кости сѣю!*

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Дельфисъ меня своей жестокостью сгу-
билъ,
А я жгу лавръ, чтобы Дельфисъ меня лю-
билъ;
Сгорѣлъ со трескомъ лавръ, и въ пепелъ
превратился:
О естьли бъ такъ Дельфисъ любовью воспла-
менился!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Когда бъ растаялъ такъ Дельфисъ мой отъ
любви,
Какъ таетъ этотъ воскъ отъ вышнія руки!
О естьли бъ мысли такъ его поворотили-
лись,
Какъ этотъ кругъ, и — всѣ ко мнѣ бы
устремились!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Примусь за отруби! ... Діана! ты смяг-
чишь,
Не адскій адамантъ (2), но что и тверже
зришь,
Ѳестила!...чу!...стучи въ сосудъ — со-
баки лаютъ,
Онѣ пришествіе богини возвѣщаютъ.

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Се понтъ безмолвствуетъ, ни вѣтеръ не дышитъ (3),
А сердце бѣдное мое не замолчитъ.
По немъ страдаю я, а онъ меня оставилъ,
Не бывъ супругомъ мнѣ, лишь только обезславилъ.

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Богиня! три раза я жертву приношу,
И три раза сіи слова произношу:
Кто бъ ни былъ тотъ, въ кого любезный мой влюбился,
Пусть такъ бы отъ него Дельфисъ бѣжалъ, сокрылся,
Какъ скрылся нѣкогда изъ Наксоса Ѳезей,
Отъ Аріадниныхъ плѣнительныхъ очей!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Иппоманесъ траву въ Аркадіи находятъ,
Отъ коей лошади всѣ въ бѣшенство приходятъ:
О естьли бъ и Дельфисъ, какъ будто не въ умѣ,
Палестру бросивши, летѣлъ — летѣлъ ко мнѣ!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Вотъ эта бахрама Дельфисова, я знаю,
Но нынѣ рву ее и въ ярый огнь бросаю.
Любовь жестокая, несносная любовь!
Ты, лютый звѣрь, во мнѣ всю изсушила кровь!

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Такъ! приготовивши сего напитка злова,
Я завтра напою Дельфиса дорогова;
А нынѣ . . . на порогъ, Ѳестила, это сѣй,
Куда прикована я всей душой моей;
И я имъ презрѣна!.. и я имъ не владѣю!..
Ахъ! дѣлай, и скажи: *Дельфиса кости сѣю!*

Волшебство! принеси любезнаго ко мнѣ!

Одна оставлена—съ чего теперь начну
Оплакивать любовь и горькую судьбу?—
Съ корзинкой нѣкогда Анакса, дочь Ивула,
Въ лѣсъ Артемидинъ шла, и мимо насъ мелькнула;
Отвсюду множество вели тогда звѣрей,
Межъ коими была и львица въ помпѣ сей.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Вдругъ Ѳевхарила тутъ, что Ѳрассу воскормила,
Въ сосѣдствѣ живъ, пришла, просила и молила,
Чтобъ съ ней на празднество смотрѣть я собралась,
И—я, злощастная, итьти не отреклась,
Прекрасный свой хитонъ виссоновый надѣла,
У Кларисты взяла ксистисъ (4), и — полетѣла.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Среди дороги, гдѣ Ликоновы живутъ,
Я видѣла—Дельфисъ и Евдамиппъ идутъ;

Пушокъ на ихъ брадахъ столь желтый выступаетъ,
Что хеликрисону (5) ничѣмъ не уступаетъ;
А груди . . . о Луна! тебя самой бѣлѣй,
Шли изъ Гимназіи они тогда своей.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Увидѣла — и вдругъ мой разумъ помрачился,
Мой духъ въ уныніе и горесть погрузился,
Всѣ прелести мои оставили меня,
Забыла торжество, и всѣхъ забыла я,
Не знаю, какъ домой оттуда возвратилась,
Горячка сильная тогда мнѣ приключилась;
Упадши на кровать, въ злой горести моей,
Лежала десять дней и столькоже ночей.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Смертельно-блѣдный цвѣтъ по мнѣ распространялся,
Ни тѣла — ни волосъ — одинъ скелетъ остался.
Чего не дѣлала я бѣдная тогда?
Какой волшебницы не призвала сюда?
Все тщетно! — злой судьбы ничто не облегчало,
И—время быстрое летѣло, изчезало.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Служанкѣ наконецъ открылась я своей:
Ѳестила! знаю, чѣмъ помочь тоскѣ моей;
Дельфисъ . . . по немъ мое сердечушко страдаетъ,

Во Тимагетовой Палестрѣ онъ бываетъ;
Послушай. милая! — бѣги, лети туда
И посмотри его — онъ тамо завсегда.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Узрѣвъ наединѣ, махни ему рукою,
Скажи, что я зову, и приведи съ собою.
Велѣла — и она какъ будто не была,
И снѣжно-бѣлаго Дельфиса привела.
Лишъ ножиньку его въ дверяхъ я усмотрѣла,

(*За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!*)

Холоднѣй стала льду, обмлѣла, помертвѣла;
Росѣ подобный потъ чело мое покрылъ,
Уста сомкнулися, языкъ не говорилъ;
Не могши произнесть ни дѣтскихъ тѣхъ рѣченій,
Которыми они, во время сновидѣній,
Привѣтствуютъ своихъ любезныхъ матерей,
Окаменѣла я, лишилась силы всей.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Жестокой посмотрѣлъ — и взоръ свой потупляетъ,
Садится близъ меня, и сидя такъ вѣщаетъ:
Симета! ты призвавъ меня тогда къ себѣ,
Какъ самъ я не успѣлъ еще притьти къ тебѣ,
Предупредила такъ теперь мое желанье,
Какъ выпередилъ я Филина на рысканьѣ.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Пришелъ бы ночью я — клянусь любовью сей —
Пришелъ бы самъ-четвертъ къ тебѣ, иль самъ-третей;
И яблокъ Вакховыхъ принесъ бы я съ собою,
Украсивъ голову тополевой лозою,
Которая самимъ Иракломъ намъ дана
И пурпуромъ со всѣхъ сторонъ обложена.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Ахъ! какъ бы любо мнѣ, коль принятъ былъ бы вами!
Витъ ловокъ я, хорошъ межъ всѣми молодцами,
И — хоть бы поцѣлуй одинъ твой получилъ,
Ахъ! какъ бы я тогда спокоенъ, веселъ былъ!
Когда жъ презрѣли бы меня и не пустили—
Желѣзо и огонь мнѣ дверь бы отворили!

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Теперь — благодарю Киприду и тебя! . . .
Симета милая! призвавъ къ себѣ меня,
Ты пламень тотъ во мнѣ свирѣпый погасила,
Который грудь моя едва переносила.
Повѣрь, Симета, мнѣ — Эротовъ пламень злѣй
И самыхъ ярыхъ, злыхъ Вулкановыхъ огней.

За чемъ я такъ люблю, скажи, Луна священна!

Велитъ онъ — и свой домъ дѣвица оставляетъ,
Захочетъ — и жена вдругъ мужу измѣняетъ.
Такъ рекъ Дельфисъ — и я . . . . упорна не была,
Взявъ за руку его, къ постели привела.
Тутъ мы въ объятія другъ друга вмигъ упали,
Мы стали пламеннѣй, мы сладостнѣй дышали,
И — чтобы многаго не насказать, Луна,
О! тайна велія межъ нами свершена! . . .
Мы вѣрность клятвою другъ другу подтвердили,
И всё — было ее до сей поры хранили.
Сегодня, какъ паря Титановы кони,
Денницу алую надъ понтомъ вознесли,
Мать милыя моей Меликсы прибѣгаетъ,
Меликсы, что при мнѣ на флейтѣ воспѣваетъ,
И между прочими рѣчами говоритъ,
Что мой Дельфисъ къ иной любовію горитъ,
Къ кому же именно, того она не знаетъ,
Лишъ вѣрно, что у ней онъ часто попиваетъ;
Что наконецъ отъ ней невѣрный убѣжалъ,
И домъ любовницы цвѣтами увѣнчалъ.
Вотъ что мнѣ гостейка сказала дорогая,
И — это, кажется, есть истинна прямая.
Не разъ онъ на день домъ мой прежде посѣщалъ,
Нерѣдко у меня сосудъ свой оставлялъ (6);

А нынѣ — вотъ уже двенадцать дней про-
ходитъ,
Какъ ищетъ милаго мой взоръ — и не на-
ходитъ.
Такъ онъ меня забылъ? . . . такъ любитъ
онъ другихъ? . . .
О! пусть почувствуетъ всю силу чаръ моихъ!
И — естьли будетъ тажъ мнѣ отъ него
награда —
Клянуся Парками! — низрину въ пропасть
ада!
Вотъ столько-то сіи имѣютъ чары силъ!
Имъ Ассиріанинъ одинъ меня училъ.
Но — поспѣшай, Луна, въ объятья океана,
Я стражду — но люблю, люблю — хотя ти-
ранна.
Богиня свѣтлая! прости. Луна моя!
Простите всѣ и вы, сопутницы ея!

ИДИЛЛІЯ III.

Амарилла.

Про Амариллу я пою, и къ ней иду,
А стадо на горѣ, у Титира въ виду.
О Титирѣ милый мой! паси ты козъ волнистыхъ,
Своди ихъ напоить къ источнику водъ чистыхъ:
Но этаго козла Ливійска берегись,
Смотри, другъ, на рога ему не попадись!
О Амарилла! что не выглянешь, драгая,
Теперь изъ хижинки, къ любовнику взывая?
Ужели навсегда любви твоей лишусь?
Или курносъ тебѣ, иль бородатъ кажусь?
Ахъ! вѣрно хочешь ты, чтобъ умеръ смертью злою! (1)
Вотъ десять яблоковъ несу тебѣ съ собою,
Ихъ сорвалъ тамъ, гдѣ ты велѣла мнѣ сорвать,
А завтра и другихъ могу тебѣ достать.
Воззри, сколь лютою снѣдаюся тоскою...
О естьлибъ можно быть жужжащею пчелою!...
Тогда бы въ хижинку твою пробрался я
Сквозь папороть и плющъ, что вьются вкругъ тебя.
Узналъ я днесь.... Эротъ — жестокій богъ, могучій,
Звѣрь воздоилъ его, лѣсъ выростилъ дремучій;
Онъ пламенемъ своимъ всю кровь во мнѣ воспалилъ,
Онъ острою стрѣлой сердечушко пронзилъ.

О Нимфа милая! жестокая, какъ камень!
О чернобровая! почувствуй ты мой пламень,
Позволь себя обнять, уста прижать къ устамъ;
Есть сладость нѣкая и въ поцѣлуяхъ намъ!
Ты сдѣлаешь, что я, тобою огорченный,
Вѣнокъ сей изъ плюща съ петрушкою сплетенный
Въ сей часъ на мѣлкіе кусочки разорву;
Любезная! тебѣ его я берегу.
Увы мнѣ бѣдному! что станется со мною?...
Не слышишь ты меня? . . отвергнутъ я тобою? . . .
Раздѣнусь—брошуся—предамъ себя волнамъ,
Гдѣ Олписъ ставитъ сѣть ныряющимъ тунцамъ;
Умру, иль нѣтъ — пускай тебѣ бы любо стало! . . .
Хотѣлось знать вчера, любимъ ли я хоть мало . . .
Но нѣтъ! на локоткѣ листокъ не зазвучалъ,
Изсохъ, и ничего онъ мнѣ не отвѣчалъ! (2)
И Агріо сама, что рѣшетомъ колдуетъ,
Всё худо, не добро бѣдняжкѣ предсказуетъ;
Колосья собиравъ она сказала мнѣ:
По комъ крушишся, тотъ не мыслитъ о тебѣ.
Такъ! правда! но —тебѣ я козу сберегаю,
Отъ коей двойничковъ, вотъ видишь, получаю;
Эритакисѣ инъ Мермноновой отдамъ,
Когда ты шутишь мной, не внемля симъ словамъ!
Но — правый глазъ дрожитъ! (3) иль видѣться мнѣ съ нею? . .

Дай пѣсенку спою, сидя подъ сосной сею;
Смягчится, можетъ быть, и взглянетъ на
меня,
Не адамантова прелестна грудь ея!
Съ княжною Иппоменъ вступить во бракъ
желая,
Посредствомъ яблоковъ достигъ желаній
края,
И — Аталанта лишъ узрѣла ихъ — тотчасъ
Смягчилась, и вняла любви всесильный
гласъ (4)
Меламиъ привелъ стада лишъ мудростью
своею
Отъ Оѳры къ Пилосу безбѣдственной
стезею;
И потому Нелей Алфезибеи мать
Тотчасъ за Віаса обязанъ былъ отдать. (5)
Иль не заставилъ такъ пастухъ Киприду
рваться,
Что не могла она и съ мертвымъ имъ
разстаться? (6)
Блаженъ, стократъ блаженъ, по мнѣ, Енди-
міонъ,
Которому глаза закрылъ на вѣки сонъ! (7)
Завидны мнѣ судьбы Ясіона златые!
Вкусилъ онъ то, чего не знаютъ въ вѣкъ
другіе! (8)
Ахъ! голова болитъ! — но ты не внемлешь
мнѣ! . . .
Увы! . . нѣтъ! . . . больше пѣть не буду
въ сей странѣ.
Паду — пускай меня здѣсь волки растер-
заютъ,
И радостью тебя, какъ медомъ, напитаютъ!

ИДИЛЛІЯ IV.

ПАСТУШЕСКІЕ ПѢСНОПѢВЦЫ.

Дамитъ и Дафнисъ.

Аратъ! пастухъ Дамитъ со стадомъ въ
лугъ пригнался,
И тамо съ Дафнисомъ любезнымъ повстрѣ-
чался;
Одинъ своихъ волосъ гордился красотой,
Другой — пробившейся недавно бородой;
Два эти пастушка, въ срединѣ лѣта красна,
Сидя при ручейкѣ, во время полдня ясна,
Такъ пѣли нѣкогда; и — Дафнисъ начиналъ:

Дафнисъ.

Смотри-ка, Полифемъ! . . . но нѣтъ! ты
не видалъ! . . .
Во стадо яблоки бросаетъ Галатея,
И — это дѣлаетъ, любовь къ тебѣ имѣя,
А ты . . . не отходя отъ стада своего,
Ты, бѣдный пастушокъ, не смотришь ни-
чего! . .
Она зоветъ тебя — и ты то не внимаешъ,
Лишъ сидя сладостно въ свирѣль свою иг-
раешь.
Вотъ бросила она въ собачку наконецъ,
Которая съ тобой всегда пасетъ овецъ,
Которая глядясь въ кристально море, лаетъ,
И, видишь, какъ бѣжитъ по берегу, игра-
етъ —
Бѣжатъ, играютъ съ ней и тихихъ водъ
струи,
Смотри, чтобъ вышедши на берега сіи

Собачка дерзкая ее не укусила,
И — чтобы прелестей ея не уменьшила.
Вонъ Нимфа нѣжится среди морскихъ зыбей,
И — разслабляяся такъ таетъ въ нѣгѣ сей,
Какъ отъ аканта листъ засохлый упадаетъ,
Коль лѣтомъ на небѣ прекрасный день бываетъ.
Ты хочешь къ ней итьти — она тебя бѣжитъ,
Ты прочь идешь отъ ней — она къ тебѣ спѣшитъ,
И — хоть и дуренъ ты, всё страсть къ тебѣ питаетъ;
Любовь, о Полифемъ! и зло добромъ считаетъ.
Потомъ Дамитъ сталъ пѣть, и — вотъ что отвѣчалъ:

Дамитъ.

Какъ въ стадо бросила, я, право, примѣчалъ!
Хоть глазъ одинъ—да я глядѣлъ имъ, будто въ оба,
О естьли бъ видѣлъ онъ, родимый мой, до гроба!
Но — вражій сынъ Телемъ мнѣ въ этомъ отказалъ (1),
Такъ пусть бы онъ сіе на дѣтяхъ испыталъ! —
Я съ горя на нее сержуся, не взираю,
И время раздѣлить съ другою обѣщаю;
Она услышавъ то, ревнуетъ, Аполлонъ!
Вдругъ разтоскуется, бѣжитъ изъ моря вонъ,

И взоръ свой ко стадамъ, къ пещерамъ обращаетъ.
Сегодня уськнулъ я — такъ вотъ собачка лаетъ,
А естьли лаять ей хозяинъ не велитъ,
То въ Галатеины колѣни всё бѣжитъ.
Быть можетъ, это зрѣвъ любезная, смягчится,
Авосьлибо посолъ отъ ней ко мнѣ явится!
Но — не отверзется ему дотоль мой домъ,
Пока онъ у дверей не побожится въ томъ,
Что Нимфа здѣсь сама мнѣ ложе изготовитъ,
Не такъ вить дуренъ я, какъ бѣлый свѣтъ злословитъ!
Вчера, какъ тишь была, глядѣлся въ море я,
Зѣница, борода — прекрасны у меня,
А зубы, думалъ я стоявши надъ водою,
И мраморъ превзошли Паросскій бѣлизною.
Тутъ плюнулъ въ пазуху три раза я себѣ,
Чтобъ не случилось что худое съ глазу мнѣ.
Такъ дѣлать завсегда Волшебница велѣла,
Что со жнецами-то у Иппоконта пѣла.
Сказалъ — и Дафниса Дамитъ поцѣловалъ,
Тотъ далъ ему свирѣль, а этотъ флейту взялъ;
На флейтѣ пѣлъ Дамитъ, а Дафнисъ на свирѣли;
Стада ихъ прыгали, внимая сладки трели;
Ничей былъ верьхъ у нихъ, всякъ лавры взялъ свои,
Непобѣдимыми осталися они.

ИДИЛЛІЯ VIII

ПАСТУШЕСКІЕ ПѢСНОПѢВЦЫ

Дафнисъ, Меналкъ и Пастухъ.

Меналкъ, какъ говорятъ, пася овецъ своихъ,
Сошелся съ Дафнисомъ межъ цѣпью горъ крутыхъ;
Какъ оба молоды, такъ оба свѣтлорусы,
И — оба пѣть, въ свирѣль играть весьма искусны.
Увидѣвъ Дафниса сперва Меналкъ, сказалъ:

Меналкъ.

О Дафнисъ, стражъ воловъ, ревущихъ межъ сихъ скалъ!
Давай со мною пѣть, и вѣрь мнѣ несомнѣнно,
Что я спою тебя пріятнѣй несравненно.
Отвѣтъ былъ Дафниса на то ему такой:

Дафнисъ.

О! нѣтъ, пастухъ овецъ, Меналкъ любезный мой!
Нѣтъ, не бывать тому! — ты сколько бъ ни напрягся,
Но лучше пѣть меня тебѣ, другъ, не удастся.

Меналкъ.

Такъ хочешь видѣть то, и плату положить?

Дафнисъ.

Изволь — и проигрышъ готовъ тебѣ платить.

Меналкъ.

Что жъ побѣдителю? какая бы награда?

Дафнисъ.

Я дамъ тебѣ тельца, ты — агнца мнѣ отъ стада.

Меналкъ.

Нѣтъ! агнца не могу никакъ тебѣ отдать.
Строгъ у меня отецъ, строга моя и мать,
Всегда по вечеру овецъ они считаютъ.

Дафнисъ.

Что жъ хочешъ ты платить? — такъ споры не бываютъ!

Меналкъ.

Вотъ воскомъ склеенну, прекрасную мою
Девятигласную свирѣль тебѣ даю;
А что отцовское, того отдать не смѣю.

Дафнисъ.

Девятигласную свирѣль и я имѣю,
Тожъ воскомъ склеену, ровны ея края,
На этихъ только дняхъ, недавно сдѣлалъ я;
Вотъ посмотри — болитъ мой палецъ и доселѣ,

Который защепилъ я тростникомъ въ семъ
дѣлѣ.
Кто жъ будетъ насъ судить и слушать
голоса?

Меналкъ.

Кто? — позовемъ сюда козъ рѣзвыхъ
пастушка,
Во стадѣ коего собачка бѣла лаетъ!
Зовутъ — и пастушокъ ихъ прозьбу
исполняетъ;
Тѣ пѣть готовятся, сей быть судьей хо-
тѣлъ;
По жребію пѣвецъ Меналкъ съ начала пѣлъ,
А послѣ Дафнису пѣть пѣсню доставалось;
Меналка пѣніе симъ словомъ начиналось:

Меналкъ.

Долинки, рѣчиньки — Боговъ безсмерт-
ныхъ родъ!
Коль хорошо Меналкъ въ свирѣль свою
поётъ —
Кормите, пойте сихъ овецъ моихъ сми-
ренныхъ!
Когда же приведетъ сюда телицъ отмѣн-
ныхъ
И Дафнисъ, то пускай тожъ будетъ и
ему!

Дафнисъ.

Потоки чистые, и травки! васъ зову —
Коль Дафнисъ такъ поетъ, какъ соловей
воздушный,
То да тучнѣетъ здѣсь отъ васъ мой скотъ
послушный!

Когда жѣ Менадкѣ сюда овечекѣ приве-
 детѣ,
Пусть также щастливо, спокойно ихѣ па-
 сетѣ!

МЕНАЛКЪ.

Вездѣ весна, вездѣ пастьбища зеленѣютѣ,
Вездѣ обиліе, вездѣ стада тучнѣютѣ,
Гдѣ только милая пастушка ни идетѣ;
А естьли гдѣ она ужь больше не живетѣ,
Тамѣ вмѣстѣ и пастухѣ и травки изсы-
 хаютѣ.

ДАФНИСЪ.

Тамѣ только овцы есть, тамѣ козы под-
 растаютѣ,
Тамѣ медомѣ сладостнымѣ пчельникѣ на-
 полненѣ весь,
И дубы достаютѣ главою до небесѣ,
Гдѣ милая нога Аглаина ступаетѣ;
Коль скоро нѣтѣ ее — и все сѣ ней про-
 падаетѣ.

МЕНАЛКЪ.

Ты, старшій изѣ козловѣ и бѣлыхѣ козѣ
 моихѣ!
Поди сюда, поди подѣ тѣнь деревѣ густыхѣ!
И вы, козлы мои! кѣ водѣ сей поспѣшите,
Здѣсь несравненную пастушку вы узрите;
Поди ты, сбитые имѣющій рога!
Скажи ей, что Протей былѣ богѣ, но пасѣ
 стада.

ДАФНИСЪ.

Пелопонесское не надобно мнѣ царство,
Не нужно для меня ни Крезово богатство,

Ни вѣтры быстротой превысить не хочу;
Но лучше милую свирѣль свою возьму,
И буду пѣть съ тобой на сей скалѣ кремнистой,
Взирая на овецъ и море Сицилійско.

Меналкъ.

Свирѣпство бурь — бѣда растущимъ деревамъ,
Пернатымъ птицамъ — сѣть, засуха — ручейкамъ,
Бѣда звѣрямъ—капканъ, а юношѣ—страсть нѣжна.
О Зевсъ! о мой отецъ! страсть эта неизбѣжна!
Не я одинъ—и ты любезный полъ любилъ,
И — удовольствіе въ любови находилъ.
Доселѣ пастушки поперемѣнно пѣли;
Меналкъ послѣдню пѣснь такъ началъ на свирѣли:

Меналкъ

Волкъ! пощади козловъ, чреватыхъ козъ моихъ;
Я малъ — ихъ множество — но ты не трогай ихъ! —
Собачка! о Лампуръ! ты спишь, мой другъ!.. какъ можно?...
Тебѣ ли съ пастушкомъ, столь маленькимъ, спать должно? —
Овечки робкія! щиплите въ семъ лугу
Безъ страха, безъ заботъ зелену мураву;
Подите вы сюда, паситесь здѣсь, гуляйте,
Сосцы млекомъ густымъ и сладкимъ наполняйте,

Чтобъ было чѣмъ вамъ всѣхъ ягнятокъ
накормить,
А также чтобъ и мнѣ на пищу удѣлить.
Потомъ и Дафнисъ пѣлъ, возвыся го-
лосъ нѣжной:

Дафнисъ.

Вчера, какъ за своимъ я стадомъ шелъ не-
брежно,
Увидѣвъ милая изъ хижинки меня,
Сказала, что хорошъ, пригожъ родился я.
Ни слова не сказавъ на отзывъ, толь пре-
красный,
Я шелъ путемъ своимъ, потупивъ очи ясны.
Какъ любо слушать мнѣ ревъ стада моего!
Какъ сладко отдохнуть въ зной у ручья
сего!
Краса древамъ — плоды, краса волы во
стадѣ,
А пастушку — коли скотинушка въ про-
хладѣ.
Такъ пѣли юноши, и козъ пастухъ ска-
залъ:

Пастухъ.

Какъ мило, сладостно ты, Дафнисъ, воспѣ-
валъ!
Твое, другъ, пѣніе пріятнѣй, слаще меда,
Тебѣ принадлежитъ свирѣль — твоя по-
бѣда.
Послушай — естьли пѣть ты выучишь
меня,
То вотъ тебѣ коза комолая моя;
Она всегда въ края дойникъ свой напол-
няетъ. —

Какъ маленькую лань взоръ матки восхищаетъ,
Такъ побѣдитель нашъ хвалой былъ восхищенъ;
А тотъ, который былъ въ игранье побѣжденъ,
Подобно дѣвушкѣ, вдругъ за мужъ сговоренной,
Едва перепускалъ, съ печали, духъ смущенной.
Отселѣ пастушкомъ первѣйшимъ Дафнисъ слылъ,
И — очень молодъ бывъ, съ Наидой въ бракъ вступилъ.

ИДИЛЛІЯ IX.

Пастухъ.

Дафнисъ, Меналкъ и Пастухъ.

Пастухъ.

Воспой пастушью пѣснь, о Дафнисѣ милый мой!
Начни-ка, а Меналкѣ пѣть будетѣ за тобой;
Оставте — пусть волы сѣ коровушками ходятѣ,
Тельцы сѣ телицами — пусть ихѣ вѣ кусточкахѣ бродятѣ!
Ты пѣснь пастушеску пропой сѣ начала мнѣ,
А послѣ запоетѣ Меналкѣ вѣ отвѣтѣ тебѣ.

Дафнисъ.

Любехонько мычитѣ волѣ и корова тучна,
Милехонько свиститѣ свирѣлка сладкозвучна,
Пріятно пѣсенки выноситѣ пастушокѣ;
И мой любезенѣ, милѣ, пріятенѣ голосокѣ.
Есть ложе у меня на брегѣ водѣ холодныхѣ;
Снявѣ кожи сѣ бѣлинькихѣ коровѣ своихѣ дородныхѣ,
Устлалѣ я оными постелюшку свою:
Но наглый южный вѣтрѣ ее размыкалѣ всю,
И — кожи тѣхѣ коровѣ, что прежде травку ѣли,

Всѣ до чиста теперь съ постели улетѣли.
Что жъ нужды? — столько жъ я боюся
жаркихъ дней,
Какъ и любовники — родительскихъ рѣчей!

Пастухъ.

Ну это Дафнисъ пѣлъ, Меналкъ пусть за-
пѣваетъ!

Меналкъ.

Мать мила — Этна мнѣ, пещера въ ней
бываетъ
Мнѣ домомъ каменнымъ, прекраснымъ, до-
рогимъ.
Богатства у меня — чего во снѣ не зримъ!
Я въ сихъ мѣстахъ овецъ, козъ множест-
вомъ владѣю,
Ихъ волну и въ ногахъ, и въ головахъ
имѣю,
Есть также и дрова дубовы у меня,
Зажегши ихъ, варю тутъ пищу для себя;
А естьли чувствую приходъ зимы сѣдыя,
Такъ есть для этаго смоковницы сухія,
Возьму ихъ, запалю — и грѣюсь вкругъ огня.
Да что мнѣ? — быть въ теплѣ желаю
менѣй я,
Чемъ безъ зубовъ старикъ орѣховъ грызть
желаетъ,
Тогда какъ мягкую онъ пищу обрѣтаетъ!

Пастухъ.

Такъ пѣли пастушки — и я имъ воспле-
скалъ,

Взявъ по подарочку, имъ обоимъ раздалъ,
И – Дафнису тогда за пѣснь его согласну
Далъ самородную дубиночку прекрасну,
Я вырубилъ ее у батюшки въ лѣску,
Понравится хоть бы какому знатоку;
Меналку пастушку за пѣснь его пріятну
Съ охотою моей далъ раковину знатну,
Которую межъ скалъ Икарскихъ я обрѣлъ,
И мясо коея съ пятью друзьями съѣлъ.
На раковинѣ (1) той, такъ пѣлъ Меналкъ
въ долинѣ:
Васъ, Музы пастуховъ! привѣтствую я
нынѣ —
Да раздается пѣснь Меналка въ сихъ мѣ-
стахъ,
Которую я пѣлъ при милыхъ пастушкахъ!
Меналкъ не любитъ лгать, обманывать
стыдится,
На языкѣ его пупырь не появится. (2)
Кузнечикъ милъ, хорошъ кузнечику дружку,
Какъ муравій муравію, иль ястребъ ястребку;
А я – лишъ Музъ люблю и сладко пѣсно-
пѣнье,
Да чувствую его во вѣки упоенье!
Не столько сладокъ сонъ, не такъ любъ
цвѣтъ пчелъ,
Не столь весна мила, какъ милы Музы
мнѣ;
Щастливъ, кто получилъ отъ нихъ улыб-
ку милу!
Тотъ всю Цирценну прогонитъ вражью
силу.

ИДИЛЛІЯ X.

Жнецы.

Милонъ и Баттъ.

Милонъ.

О жалкой жнецъ! скажи — что сдѣлалось съ тобой?
Не правишь ты своей, какъ прежде, полосой;
Ты отстаешь отъ насъ, какъ отстаетъ далёко
Отъ пастуха овца, пораненна жестоко;
Коль съ нами ты теперь не можешь поспѣвать,
То какъ по вечеру и въ полдень будешь жать?

Баттъ.

Полночный жнецъ, Милонъ! ты камень! — иль нимало
Ни что стороннее тебя не занимало?

Милонъ.

Нѣтъ, ничего! да чемъ заняться?.. что за стать?..
Что дѣлать мужичку, какъ только работать?

Баттъ.

Ужель не чувствовалъ ты отъ любви мученья?

Милонъ.

О! нѣтъ! — попавшись въ адъ, не жди себѣ,
спасенья! . .

Ваттъ.

А я, Милонъ, люблю — тому дней десять
есть.

Милонъ.

Ну! ты богатъ — тебѣ есть что попить,
поѣсть;
Вотъ я — такъ во трудахъ любовь поза-
бываю.

Ваттъ.

Милонъ! а я въ тоскѣ весь домъ прене-
брегаю.

Милонъ.

Да кто жъ жестокая прелестница твоя?

Ваттъ.

Дочь Поливотова — въ нее влюбился я,
Когда она со мной у Иппоконта жала,
И — нѣжно, сладостно на флейтѣ воспѣ-
вала.

Милонъ.

Попался! — вотъ — чего не зналъ ты какъ
сыскать!
Отселѣ ночь тебѣ пріятнѣй будетъ спать;
Какъ любо обнимать кобылку травяную,
Котора прожурчитъ во всю-то ночь глу-
хую! . .

Ваттъ.

Такъ вздумалъ ты, мой другъ, смѣяться надо мной? . .
Плутонъ ли только слѣпъ? -- и самъ Эротъ такой!
Не смѣйся, братъ, Милонъ! . . . .

Милонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! но неужели
Намъ безпрестанно жать? — воспой, другъ, на свирѣли
Любезную свою — прекрасно ты поешь,
Издавна лучшимъ всѣхъ пѣвцемъ у насъ слывешь.

Ваттъ.

О Музы! дѣву пѣть младую мнѣ вдохните,
Прекрасно будетъ все — вы только помогите!
Вомвика милая! тебя хоть цѣлый свѣтъ
Сухою, смуглою Сиріанкой зоветъ:
Но я — одинъ лишъ я на это не взираю,
И — медовидною назвать тебя дерзаю.
Фіалка — черный цвѣтъ, исписанъ гіацинтъ (1)
Но первая имъ честь въ вѣнкахъ принадлежитъ.
Коза гоняется за мягкой муравою,
Волкъ за козой, журавль за хлѣбной полосою:
А я, любезная! гоняюсь за тобой,
Всегда безъ памяти лечу къ тебѣ одной.
О естьли бъ Крезовымъ я могъ владѣть имѣньемъ!

Тогда бы всѣ на насъ смотрѣли съ удивленьемъ;
Стояли бъ въ храмѣ мы Кипридиномъ съ тобой,
И мой и твой кумиръ тутъ былъ бы золотой;
Ты бъ, милая моя, иль съ флейтою стояла,
Иль розу бы въ рукахъ, иль яблоко держала,
А я бъ въ богатое былъ платье облеченъ
И въ обувь новую отмѣнно наряженъ.
Вомвика! ноженьки твои бѣлы, пригожи,
И бѣлизной своей на бѣлу кость похожи;
Твой голосъ нѣженъ, милъ; а нравъ чтобъ описать —
О! . . нѣтъ! — онъ такъ хорошъ, что не могу сказать!

Милонъ.

Ахъ! какъ искусно мы приведены въ забвенье!
Какъ это хорошо любовно пѣснопѣнье!
Но — ты, несмысленна, пустая борода!
Какъ Литіерса (2) пѣть, склони свой слухъ сюда:
Церера! мать плодовъ и классовъ позлащенныхъ!
Внемли мольбамъ жнецовъ, отъ зноя утомленныхъ:
Да щастливо свои окончимъ мы труды,
И съ поля соберемъ спoричные плоды!
Сбиратели сѣмянъ! се время — поспѣшите,
Сѣките желтый классъ, скорѣй въ снопы вяжите,
Чтобъ ктонибудь взглянувъ на ниву, не сказалъ:

Эхъ! горе-пахари!.. вотъ трудъ вашъ и пропалъ!
Да каждый снопъ свою верьховочку имѣетъ
На югъ, иль на востокъ — такъ лучше колосъ зрѣетъ!
О молотильщики! бѣгите въ полдень сна!
Колосья обивать удобнѣй вамъ тогда!
Жнецы должны вставать, коль жаворонокъ вьется,
Ложиться — вмѣстѣ съ нимъ; въ жаръ трудъ да пресѣчется!
О дѣти! хороша лягушкѣ жизнь всегда,
Не проситъ пить она — есть у нее вода.
Скупецъ! не лучше ли бъ сочивомъ насыщаться,
Чѣмъ очищая тминъ, болѣзни подвергаться?
Вотъ эти пѣсенки жнецамъ надлежитъ пѣть,
Которые должны на солнышкѣ горѣть!
А ты, жнецъ! — чтобъ любви жестокой свободиться —
Въ ней долженъ матери заботливой открыться.

ИДИЛЛІЯ XI.

Циклопъ.

Никей! мнѣ кажется, нѣтъ лучшаго въ семъ мірѣ
Лѣкарства отъ любви, какъ стройно пѣть на лирѣ;
Хоть трудно къ этому дорогу проложить,
Но послѣ — какъ легко, прекрасно можно жить!
Ты это знаешь самъ, ты — врачь людей безцѣнный!
Ты, Музъ божественныхъ любимецъ несравненный!
Такъ древле Полифемъ, одинъ Циклопъ нашъ, жилъ,
Какъ Галатею онъ жестокую любилъ;
Лишь у него пушокъ на бородѣ пробился,
Лишъ юныхъ лѣтъ достигъ, какъ бѣдный и влюбился;
Къ любезной Полифемъ не съ розами ходилъ,
Не кудри посылалъ (1), не яблоки носилъ,
Но часто приходилъ въ неистовство ужасно,
Радъ душу былъ отдать и умъ и сердце страстно.
Въ семъ положеніи мучительномъ его
Происходило все коёкакъ у него;
Овечки бѣдныя безъ пастуха скитались,
И съ пажити однѣ не рѣдко возвращались;
А онъ отъ самаго явленія зари
Всё въ пѣньи на брегу препровождая дни,
Сгаралъ любовію, не зналъ себѣ покою,
Несносно раненъ бывъ Kиприднной стрѣлою.

Что жѣ? — вѣ пѣсняхѣ лишь своихѣ отрады онѣ искалѣ,
И морю со скалы такѣ грусть передавалѣ:
О ты, которую ягненочка рѣзвѣе,
Бѣлѣе молока, тельца статнѣй, рѣзвѣе,
Незрѣлои ягоды горчѣй считаю я!
О Галатея! что не любишь ты меня?
Приходишь ты ко мнѣ, какѣ сонѣ меня обѣемлетѣ,
Проснусь — и милая бѣжитѣ, меня не внемлетѣ,
Бѣжитѣ, какѣ бы овца, чтобѣ волкѣ не изловилѣ.
Сѣ тѣхѣ порѣ, любезная, тебя я полюбилѣ,
Какѣ сѣ матушкой моей вы на гору ходили
За гіацинтами, и — проводить просили;
Сѣ тѣхѣ порѣ не нахожу спокойствія себѣ,
А ты . . . Богѣ видитѣ! — ты не думаешь о мнѣ.
Я знаю, почему бѣжишь меня всечасно,
Конечно для тебя лице мое ужасно,
Широкой этотѣ носѣ, густая бровь моя,
Неровны уха два — противны для тебя,
Противенѣ кажется и этотѣ глазѣ единой;
Такѣ! дуренѣ я собой, за то богатѣ скотиной,
Я тысячи овецѣ пасу вѣ долинахѣ сихѣ,
Дою, и молокомѣ густымѣ питаюсь ихѣ.
Сырѣ у меня — всегда, и лѣтнею порою,
И вѣ осень пеструю, и вѣ самый хладѣ зимою;
А пѣть — я лучше всѣхѣ Циклоповѣ здѣсь пою,
Пою лишь про себя и милую свою,

Пою въ глухую ночь, въ морозъ и въ непогоды,
Пою — презрѣвши всѣ суровости природы.
Барашковъ пестренькихъ кормлю я для тебя,
Есть медвѣжоночковъ четыре у меня;
Приди, о милая! тебѣ ихъ посвящаю.
Оставь бездушный понтъ, будь тамъ, гдѣ я бываю,
Пріятнѣй въ хижинкѣ со мною ночь провесть,
Здѣсь лавры у меня и кипарисы есть,
Есть также черный плющь, есть много винограду,
Здѣсь и ручей у насъ, ліющій въ грудь прохладу,
Сей сладкій нектаръ намъ лѣсиста Этна шлетъ,
Изъ коея снѣговъ сѣдыхъ ручей течетъ.
Ну кто бъ оставивъ понтъ, сюда не преселился?
А естьли хочешь ты, чтобъ видъ мой премѣнился —
Дровъ много — и огонь не гаснетъ у меня—
Пусть въ яромъ пламени погибну отъ тебя,
Пускай тогда лишусь и глаза мнѣ безцѣнна! . . .
О естьли бъ жителемъ быть моря тревolненна!
Чтобы къ тебѣ притьти по шумнымъ симъ волнамъ,
Чтобы прильпнуть къ твоеи рукѣ, коль не къ устамъ,
Чтобы принесть тебѣ иль лилій снѣжнобѣлыхъ,

Иль крупныхъ маковицъ совсѣмъ уже со-
зрѣлыхъ;
Тѣ лѣтнею порой, сіи зимою есть,
Такъ вмѣстѣ ихъ тебѣ не могъ бы я при-
несть.
Коль чужестранца гдѣ на морѣ повстрѣчаю —
И плавать, милая, уже перенимаю,
Чтобъ знать, сколь хорошо вамъ обитать
въ водѣ.
О Галатея! выдь, любезная, ко мнѣ,
Приди на берегъ сей, и въ страшно, бурно
море
Не уходи, какъ я нейду домой въ семъ горѣ!
Паси со мной овецъ, ихъ вмѣстѣ дой со
мной,
И вмѣстѣ изъ млека ихъ дѣлай сыръ гу-
стой! —
На матушку одну мнѣ жаловаться должно!
Ужели для нее то вовсе не возможно,
Чтобы сказать тебѣ всю грусть, тоску
мою,
Какую безъ тебя, любезная, терплю?
День ото дня теперь всё хуже становлюся,
Бить это видитъ мать! . . . коль такъ —
больнымъ скажуся,
Скажу, что боленъ я ногами, головой;
Я мучусь — пусть и мать помучится со
мной! . . .
Ахъ! ты Циклопъ, Циклопъ! куда твой
умъ дѣвался? . .
Коль хорошенько бъ ты корзинки плесть
принялся.
Когда бы для овецъ въ лугахъ траву косилъ,
То вѣрно лучше бы, умнѣй тогда ты
былъ!

Довольствуйся тѣмъ, что есть, а нѣтъ
чего - Богъ съ нею! . . .
Авосьлибо найдешь и лучше Галатею,
Есть много дѣвушекъ — коль скоро захочу,
То всякую изъ нихъ призвать къ себѣ могу,
У всякой на устахъ улыбку вижу милу,
И мнѣ здѣсь суждено не вовсе быть по-
стылу!
Вотъ такъ-то Полифемъ спокойно во-
спѣвалъ,
И — съ золотомъ сего спокойства бъ не
сыскалъ!

ИДИЛЛІЯ XVI.

Хариты или Іеронъ.

Всё Музы милые безсмертныхъ воспѣваютъ,
Поэты всё людей великихъ прославляютъ;
Богини — Музы всѣ, боговъ онѣ и чтутъ,
Мы — люди, и — людей пусть люди воспоютъ.
Поютъ — но что же въ томъ? — найдется ль подъ луною
Хотя одинъ такой, кто съ радостью большою
Чертоги бы свои Харитамъ отворилъ,
И щедро наградивъ, оттуда отпустилъ?
Поютъ — но что жъ онѣ? — съ стѣсненными сердцами
И съ обнаженными домой идутъ ногами,
Идутъ—и ропотъ свой возносятъ на меня,
Что путь предприняли безъ пользы для себя;
Отъ сердца удаливъ спокойствіе, веселье,
Идутъ — опять въ свое глухое подземелье,
И тамъ сидятъ ни съ чемъ въ разсѣдшемся углу,
Въ колѣни хладные склонивъ свою главу.
Кто нынѣ изъ людей, кто любитъ пѣснопѣнье?
Кто къ краснорѣчію питаетъ уваженье?
Не знаю . . . ищущихъ безсмертной славы нѣтъ!
Своекорыстіе весь оковало свѣтъ;
Всякъ нынѣ на карманъ другаго лишъ взираетъ,
Всякъ руку къ серебру охотно простираетъ,

И—ни пылинки дать не хочетъ никому,
Попросишь—тотчасъ съѣшь: *мнѣ надо самому!* —
Вотъ мнѣ, такъ нужды нѣтъ! что есть, то и да будетъ!
Поэта милаго Богъ неба не забудетъ,
И—кто же, какъ не онъ намъ будетъ помогать?
Кто изъ людей таковъ, чтобъ людямъ стало внимать?
Омиръ ли не поэтъ? . . ему весь свѣтъ дивится,
Но что жъ? . . чѣмъ отъ меня поэтъ сей поживится? . . .
О люди жалкіе! что пользы въ златѣ вамъ,
Когда оно въ землѣ—досталось не къ рукамъ?
Такое ль быть должно его употребленье?
Такъ! долгъ беречь его себѣ на прокормленье,
Но надобно притомъ поэта не забыть,
Своимъ, да и чужимъ всегда благотворить,
Всегда богамъ давать на жертву, сколько можно,
Убогихъ странниковъ пренебрегать не должно,
Но лучше дружески принять ихъ, угостить,
И коль хотятъ домой, то съ миромъ отпустить;
А Музы . . . о! сіи предвѣстницы священны
Да будутъ паче всѣхъ людьми превознесенны!
Ихъ нужно почитать, чтобъ добрымъ слыть и тамъ,
Гдѣ царствуя Плутонъ, законы зиждетъ
;вам

Чтобы достигнувши водъ Ахеронта хладныхъ,
Не проливать такъ слезъ безславныхъ, безотрадныхъ,
Какъ проливаетъ ихъ тамъ бѣдный человѣкъ,
Мозольною рукой копавшій землю вѣкъ.
Алева, Антіохъ (1) — всѣмъ щастіемъ владѣли,
Великое число рабовъ они имѣли;
Среди Скопасова широкаго двора
Мычало множество рогатаго скота;
Креонцы тысячьми стадъ тучныхъ обладали,
Которы на поляхъ Кранонскихъ (2) полдневали:
Но что жъ имъ пользы въ томъ? — иль взяли все съ собой,
Какъ испустили духъ сластолюбивый свой?
Нѣтъ! всѣ оставивши свои богатства тлѣнны,
Лежали бы въ гробахъ забвенны въ вѣкъ, презрѣнны,
Когда бы не было великаго пѣвца,
Разнообразіемъ плѣнявшаго сердца,
Когда бы Симонидъ на многострунной лирѣ
Не пѣлъ, не возвѣстилъ ихъ славу въ цѣломъ мірѣ;
И кони быстры ихъ съ вѣнцами на главахъ
Паря съ священныхъ игръ, живутъ въ его стихахъ.
Кто бъ зналъ о витязяхъ Ликійскихъ (3) во вселенной,
Иль о Пріамовой фамиліи почтенной,
Или о Кикнѣ (4) ктобъ понятіе имѣлъ,

Когда бы въ пѣсняхъ звукъ оружій не гремѣлъ?
И Одиссей, отъ мѣстъ Циклоповыхъ бѣжавшій,
Лѣтъ десять средь чужихъ народовъ обитавшій,
Сошедшій за живо и въ тартаръ наконецъ
Не могъ бы пріобрѣсть безсмертія вѣнецъ,
Не вѣдалъ бы никто ни свинаря Евмея,
Ни пастуха воловъ дородныхъ Филитея,
И добродушный бы Лаэртъ (5) не слышенъ былъ,
Когда бы намъ о нихъ Омиръ не возвѣстилъ.
Лишъ Музы смертныхъ родъ безмертіемъ вѣнчаютъ,
А деньги—это соръ, умремъ—и изчезаютъ
Но—льзя ли перечесть всѣ волны до одной,
Которы съ шумомъ вѣтръ несетъ на брегъ морской?
Льзя ль глину съ кирпича сыраго смыть водою? —
Вотъ тоже говорить и съ тварью скупою!
Пусть будетъ всякъ скупецъ въ сребрѣ по горло жить!
Пусть болѣй, болѣе желаетъ накопить!
А я бы предпочелъ любовь людей, почтенье
Всѣмъ муламъ и конямъ, презрѣвъ обогащенье.
Кого же нынѣ я изъ смертныхъ воспою?
Предъ кѣмъ всю искренность, усердье излію? —
Для васъ, о дочери Юпитера священны!
Чертоги богачей отвсюду затворенны! . .

Но — годы, мѣсяцы и дни еще текутъ,
Колеса катятся, и лошади бѣгутъ,
Со временемъ и тотъ великій мужъ возстанетъ,
Который на меня пѣвца умильно взглянетъ;
Что въ полѣ былъ Аяксъ, гдѣ Илосъ погребёнъ.
Что сдѣлалъ Ахиллесъ, то сдѣлаетъ и онъ.
Се Финикіане (*) Ливійскіе возопали,
И западной страны ихъ всѣ затрепетали;
Се Сиракузяне навстрѣчу къ нимъ грядутъ,
И ивовы щиты на раменахъ несутъ;
Межъ ними Іеронъ геройски выступаетъ,
И грива конская на шишакѣ взвѣваетъ!
О Зевсъ! о нашъ отецъ! Аѳина! дщерь и и мать! (6)
О естьли бъ намъ враговъ достойно наказать!
Когда бы славный градъ Ефирянъ (7) вы хранили,
И на Сардонскій брегъ противниковъ гонили!
Когда бъ спасли животъ не многіе изъ нихъ,
Чтобъ возвѣстить женамъ и дѣтямъ смерть другихъ!
О естьли бъ граждане опять въ градахъ тѣхъ жили,
Которые враги до основанья срыли!
Когда бы селянинъ свой плугъ тяжелый бралъ,
И злачныя поля въ безпечности пахалъ;
Овечки бъ тучныя на пажитяхъ гуляли,

(*) Карѳагеняне.

И межъ кусточками зелеными блѣяли;
Волы бы сытные гонилися домой,
И путникъ видя ихъ, спѣшилъ бы на покой;
Парную бъ пашенку оратаи пахали,
Въ кустахъ чириканье кузнечиковъ внимали;
Въ оружьяхъ пауки тенета бы плели,
И — имени войны не стало бъ на земли!!
Когда бы Іеронъ прославленъ былъ пѣвцами,
И слава бы его сражаясь съ небесами,
Парила далѣе, чѣмъ Скиѳскій понтъ шумитъ,
Иль Семирамиды обширный градъ стоитъ!
Тогда бъ я пѣлъ одинъ, но — пѣли бъ и другіе,
Зевеса дочерямъ любезны всѣ такіе,
Которые всегда Аретузу поютъ,
Народу и Царю почтенье воздаютъ.
Вы, коихъ Орхоменъ (8) снискавъ благоволенье,
Отъ Ѳивянъ заслужилъ всю ненависть, презрѣнье,
Вы, коихъ Этеоклъ почтеннѣйшій родилъ,
Хариты! и меня бъ тутъ ктонибудь почтилъ;
Тогда-то съ Музами и я стопы направлю,
Куда зовутъ, и — васъ во вѣки не оставлю!
Любезно безъ Харитъ что можетъ быть когда?
Да будете со мной, Хариты, навсегда!!

ИДИЛЛІЯ XIX.

Похититель сотовъ.

Эротъ однажды сотъ изъ улья уносилъ,
Какъ вдругъ плутъ пчелкой злой ужаленъ въ руку былъ;
Бѣдняжка ахаетъ; — ручонку раздуваетъ; —
Онъ скачетъ, топаетъ, къ Кипридѣ прибѣгаетъ,
Ахъ! маминька! кричитъ, почуя боль свою,
Пчела . . . . ахъ! посмотри ты на руку мою,
Пчела — велика ли? — какъ больно уязвляетъ! —
Такъ что же? — мать ему смѣяся отвѣчаетъ,
Ну не подобенъ ли и ты, Эротъ, пчеламъ?
Ты малъ — но каково жъ язвишь другихъ и самъ?

ИДИЛЛІЯ XXI.

Рыбаки.

Лишь бѣдность, Діофантъ, искуства пробуждаетъ,
Она единственно трудиться заставляетъ;
Заботы не даютъ трудящимся лежать,
Чуть чуть заснутъ они, да и встаютъ опять.
Два старыхъ рыбака въ своемъ плетенномъ домѣ
Лежали нѣкогда на постланной соломѣ;
Корзинки и тростникъ ихъ, уды и леса,
Ихъ бредни, невода, ихъ верши, збруя вся
И стара лодочка — у нихъ передъ глазами,
Рогожка, шляпы ихъ и платье — подъ главами;
Все тутъ имѣніе и все богатство ихъ,
Собачки не было, и — ни горшка у нихъ,
Для ловли это имъ казалося не нужно,
Съ своею бѣдностью они водились дружно.
Соседовъ — никого, лишь море всякой день
Съ сторонъ тихохонько плескалось въ ихъ плетень.
Луна еще свершить полкруга не успѣла,
Какъ рыбаковъ уже проснувшихся узрѣла;
Отрясши сонъ отъ глазъ, оставивши покой,
Вотъ разсуждали какъ они между собой:
А. Тотъ ошибается, мой другъ, кто утверждаетъ,
Что лѣтомъ долѣ день, а ночь кратчай бываетъ.

Какъ много разныхъ сновъ я видѣлъ въ ночь сію!
Но прежде утренней зари съ тобой встаю;
Не правду ль говорю? что жъ это бъ означало?
Ужели ночь идетъ не такъ, какъ надлежало?
Б. О! нѣтъ! ошибся ты во мнѣніи своемъ,
Повсюду видимъ мы порядокъ въ свѣтѣ семъ.
Но вить забота сонъ далеко прогоняетъ —
Вотъ почему и ночь тебѣ долга бываетъ!
А. Не мастеръ ли ты сны, любезный, толковать?
Мнѣ снилось хорошо — хочу тебѣ сказать.
Всѣ тони пополамъ дѣлимъ между собою,
Ну такъ и сны свои давай дѣлить съ тобою;
Ты не глупѣй другихъ, а толкователь сна
Тотъ только и хорошъ, въ комъ много есть ума.
Да намъ и время есть! — при шумѣ волнъ зыбучихъ
Лежавъ на листвіи, на вѣтвяхъ древъ колючихъ
Не могши крѣпко спать, что мы начнемъ съ тобой?
Здѣсь развивается нашъ умъ и самъ собой . . .
Б. Но что за сонъ тебѣ, скажи, мой другъ, приснился?
А. Уставши отъ трудовъ вечоръ лишъ я забылся,
(Ты помнишь, много ли поѣли мы съ тобой?

Такъ почитай пустой желудокъ былъ и мой;
Вдругъ будто бы сидѣлъ я на скалѣ кремнистой,
И рыбу тамъ ловилъ въ водѣ прозрачной, чистой;
Лишь очутилася леса съ крючкомъ въ водѣ,
Какъ рыба славная тотчасъ попалась мнѣ.—
Собака и во снѣ о хлѣбѣ всё мечтаетъ,
Такъ и меня — одна рыбь ловля занимаетъ.—
Попался, говорю, крючекъ мой рыбѣ той,
Лилася кровь изъ ней — сгибался прутикъ мой —
Я дернулъ — рыба прочь — я мысль имѣлъ такую:
Какъ можно изловить мнѣ рыбу столь большую
Такимъ орудіемъ. какъ уда у меня?
О ранѣ думая, убьешь ты? вскрикнулъ я,
Такъ я жъ тебя убью . . . узрѣвъ ея томленье,
Взмахнулъ - и тутъ у насъ окончилось сраженье.
Тащу - и рыба вся златая предо мной;
Вдругъ ужа ъ овладѣлъ тогда моей душой-
Ужъ не Нептунова ль то рыба — мнѣ мечталось,
Не Амфитритино ль сокровище попалось?
Чтобъ золота крючокъ съ собой не утащилъ,
Легонько я ее отъ уды свободилъ;
На землю вынувши, клялся передъ собою,
Чтобъ не ступить отсель близъ моря ни ногою,
А жить вдали его и златомъ обладать.

Тутъ пробудился я—ну что теперь начать?
Ты посуди о семъ моемъ послѣднемъ мнѣньѣ,
Ужасно сдѣлать мнѣ сей клятвы преступленье!

Б. Не бойсь! ты не клялся, какъ рыбы золотой,
Вотъ видишь, не поймалъ; — всѣ сны – обманъ живой.
Но вставши, въ тѣ мѣста пойдемъ теперь отселѣ,
Такъ сбудется твоя надежда въ самомъ дѣлѣ.
Чтобъ съ рыбой золотой себя не уморить,
Обыкновенную старайся, другъ, ловить.

* * *

Сладкогласнѣйшій Любимецъ Музъ!
Ты лишь Пиндару во слѣдъ течешь,
Ты вмѣстилъ въ себѣ Горація,
Замѣнилъ пѣвца Тіискаго,
Ты языкъ безсмертныхъ вѣдаешь; —
Предъ Тобой и эти пѣсенки
Повергаючи, безмолвствую! . . .

ИДИЛЛІЯ XXX. (*)

Смерть Адониса.

Увидѣвши Киприда
Адониса мертва,
Лишенна мила вида,
Разтрепанна, блѣдна,
Эротамъ приказала
Представить вепря къ ней.
Богиня лишъ сказала,
Какъ тотчасъ въ рощѣ всей
Крылаты боги стали,
Тамъ вепря обрѣли,
Опутали, связали,
Къ Кипридѣ повели;
Иной арканъ надѣвши
На плѣнника, влачилъ,
Другой же сзади шедши,
Бѣдняжку лукомъ билъ.
Веревкой вепрь обвитый
Боязненно ступалъ;
Гнѣвъ мощной Афродиты
Онъ страшнымъ представлялъ.
Богиня презирая
Въ тоскѣ весь бѣлый свѣтъ,
И мщеніемъ пылая,
Ты, съ гнѣвомъ вопіетъ,
Ты, звѣрь изъ всѣхъ презрѣнный,
Бедро сіе пронзилъ?
Тобою мой безцѣнный
Адонисъ въ гробъ ступилъ?

(*) Здѣсь мѣра стиховъ соблюдена таже, какая и въ подлинникѣ.

Вепрь отвѣчалъ: божуся
Любовникомъ твоимъ,
Самой тобой клянуся,
Клянусь арканомъ симъ
И этими ловцами,
Что не хотѣлось мнѣ
Ниже тронуть зубами
Любезнаго тебѣ!
Какъ божество какое
Въ глазахъ моихъ онъ былъ;
Я на бедро нагое
Лишъ взоръ свой обратилъ —
Вспылалъ любовью страстной
И кинулся лобзать, ---
Вотъ все, за что нещастной
Я осужденъ страдать!
Такъ эти страстны зубы,
Киприда, рви, казни,
А мало — такъ и губы —
На что мнѣ ихъ? — возьми!
Богиня вдругъ смягчилась
Отъ жалостныхъ сихъ словъ;
Къ Эротамъ обратилась —
И вепрь сталъ безъ оковъ;
Съ тѣхъ поръ онъ лѣсъ оставя,
Съ Кипридою ходилъ,
И путь къ огню направя,
Въ немъ зубы истребилъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ИДИЛЛІЯ I.

(1) Панъ — богъ лѣсовъ и богъ пастушескій. Ему баснословіе отдало подъ стражу стада, и вручило свирѣль, на коей онъ столь хорошо игралъ, что никакой смертный не можетъ съ нимъ сравниться. Одинъ только Ѳеокритовъ пастушокъ, который пѣлъ лучше всѣхъ на свѣтѣ, могъ къ нему приближиться, но не сравниться, или превзойти его въ этомъ искуствѣ.

(2) У древнихъ въ великомъ употребленіи были деревянные сосуды. Они склеивали ихъ бѣлымъ воскомъ издающимъ весьма пріятный запахъ, вырѣзывали на нихъ и рисовали, что имъ угодно было. Этотъ же благовонный воскъ употребляемъ былъ и пастухами на склеиваніе свирѣлей, которыя они изъ тростника составляли.

(3) Пеней — рѣка, протекающая среди Темпейской, въ Ѳессаліи находящейся, долины, коея положеніе самое прекрасное. Пиндъ — гора, тамъ же возвышающаяся. Ѳеокритъ чрезъ вопросъ свой какъ бы не хочетъ, чтобъ Нимфы были въ Темпейской долинѣ, но описывая пастушка Дафни-

са истаевающимъ любовію въ Сициліи близъ города Сиракузъ, гдѣ протекаютъ рѣки: Анапъ и Акисъ и гдѣ находится гора Этна, жалѣетъ, для чего не было Нимфъ въ описываемой имъ странѣ, гдѣ какъ Дафнисово стадо, такъ и звѣри по немъ плакали.

(4) Содержаніе Ѳирсисовой пѣсни—слѣдующее: Дафнисъ любилъ Нимфу Ехенаиду, которой и поклялся въ вѣчной своей вѣрности. Одна-дѣвушка напоивъ его виномъ, пьянаго на свою сторону преклонила, и чрезъ то заставила преступить клятву. Ехенаида узнавши о семъ, любовь свою премѣнила въ ненависть, и — то по рощамъ, то по берегамъ рѣкъ отъ него бѣгала. Но Дафнисъ, преступившій клятву свою невольнымъ образомъ не преставалъ пламенѣть къ ней любовію, отъ коей наконецъ и умеръ.

(5) Ида — гора, находящаяся на островѣ Critѣ. Дафнисъ, огорченный Венерою, упрекаетъ ей тамошнимъ пастушкомъ Анхизомъ, а послѣ — Адонисомъ и Діомедомъ, къ которымъ и отсылаетъ ее — наслаждаться съ ними утѣхами безпомѣшной любови.

(6) Аретуза — рѣка, протекающая въ Сициліи, гдѣ находится и гора Тимбръ.

(7) Какъ Ликейская гора, такъ и гора Меналъ находятся въ Аркадіи — странѣ,

лежащей на островѣ Пелопоннесѣ — гдѣ Еликъ, сынъ царя Ликаона, былъ погребенъ на мысѣ Ріонѣ. Жители сего мыса въ послѣдствіи времени воздвигнули высокій, знаменитый памятникъ на гробѣ Елика, отъ коего и городъ, тутъ бывшій, тѣмъ же именемъ назывался.

ИДИЛЛІЯ II.

(1) У Грековъ Палестры были родъ Академій, содержавшихся на публичномъ иждивеніи. Онѣ назывались также Гимназіями, и состояли изъ многихъ отдѣленій, какъ то: внѣшніе *Портики* были мѣстомъ, гдѣ Математики, Философы, Риторы и другихъ наукъ Учители давали свои уроки; *Ефебеумъ*, куда ходили молодые люди учиться въ частности, а не предъ публикою, собираясь всегда, какъ можно, ранѣе; *Гимнастеріонъ*, гдѣ хранилось платье тѣхъ, кои ходили въ бани, или на испытаніе въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; *Унктуаріумъ*, гдѣ производимы были намазыванія, предшествовавшія, либо послѣдовавшія борьбѣ, или банямъ; *Конистеріумъ*, гдѣ натирались пескомъ для обсушенія масла, или поту; *Палестра*, гдѣ происходили упражненія въ борьбѣ, въ кулачномъ бою и панкратіи, состоявшей изъ соединенія двухъ первыхъ.

упражненій вмѣстѣ; *Сферистеріонъ*, гдѣ играли въ мячь; *Ксисты*, или портики, гдѣ Атлеты (бойцы) занимались тѣлесными упражненіями въ непогоду и въ зимнее время, *Стадія* также составляла часть Палестрѣ или Гимназій; это было великое пространство песчаной, полукружіемъ отрѣзанной, земли, гдѣ сдѣланы были вокругъ ступени, на коихъ зрители становились. Палестрическія упражненія были девяти родовъ: *борьба*, *кулачный бой*, *панкратія*, *бѣганье*, *олломахія* (сраженіе на оружіяхъ), *пляска*, *дискъ* (бросаніе свинцоваго кружка для оказанія силы и проворства), *метаніе стрѣлъ* и *стрѣлянье изъ луковъ*. У Грековъ всѣ благовоспитанные дѣти непремѣнно обучаемы были какъ наукамъ, такъ и Палестрическимъ упражненіямъ.

(2) Адскимъ адамантомъ Волшебница называетъ адскаго бога Плутона. Она прибѣгая въ тоскѣ своей къ Діанѣ, приписываетъ ей безпредѣльное могущество. Ей думается, что не только Плутонъ, коего никакою силою побѣдить, никакими прозьбами тронуть не льзя, но и все, что непреклоннѣе его самаго, не можетъ устоять противу Діаниной силы.

(3) Древніе думали, что море и вѣтры въ присутствіи боговъ безмолствуютъ. По-

чему и Волшебница представляя себѣ Діану шествующею по городу, думаетъ, что въ это время ни море, ни вѣтры не смѣютъ шевельнуться.

(4) Ксистисъ (ξυςὶς) — верхнее разноцвѣтное платье Гречанокъ.

(5) Хеликрисонъ (ἑλίχρυσος) — трава, по значенію своего названія, имѣющая цвѣтъ злашожелтый.

(6) Атлеты обыкновенно имѣли у себя мѣдные, или кожаные сосуды, содержавшіе въ себѣ масло, коимъ они натирались.

ИДИЛЛІЯ III.

(1) Въ подлинникѣ: хочешь, чтобъ я повѣсился.

(2) Древніе желая знать, любимы ли они, брали маковый, или анемоновый листокъ, клали его на руку, либо на локоть, либо на плечо, и ударяли рукою. Естьли листокъ издавалъ звукъ, то это было благопріятное предвѣщаніе, въ противномъ случаѣ — противное.

(3) Между прочими предзнаменованіями, каковы суть: летаніе птицъ, громъ, чиханіе и проч. у Грековъ и Египтянъ считалось щастливымъ предзнаменованіемъ и то, естьли когда у кого правый глазъ приходилъ въ нѣкоторое содроганіе.

(4) Аталанта — дочь Аркадскаго Царя Схинея. Она опасаясь быть нещастливою въ супружескомъ состояніи, рѣшилась ни за кого не выходить за мужъ. Многіе искали руки ея, и — она умѣя очень быстро бѣгать, предлагала каждому жениху своему спорить съ нею въ бѣганіи. Побѣжденному надлежало умереть; а побѣдившему быть ея супругомъ. Нѣкоторые на это отважились, и — лишились жизни. Иппоменъ, сынъ Греческаго Царя Мегара, захотѣлъ отвѣдать своего щастія, и — призвалъ къ себѣ на помощь Венеру. Сія услышавши его моленіе, дала ему три золотые яблока и научила, какъ поступать съ ними. Иппоменъ вступивши въ бѣгъ съ Аталантою, бросалъ между тѣмъ яблоки; красота оныхъ прельстила юную дѣву; она стала поднимать ихъ, отстала на бѣгу, и — должна была выдти за Иппомена.

(5) Мать Алфезибеи — прекрасная Перо. Для полученія руки ея, надлежало привесть отцу ея, Нелею, стадо Ификловыхъ воловъ, пасшихся при горѣ Оѳрѣ. Мелампъ желая соединить сію красавицу со своимъ братомъ Віасомъ, страстно любившимъ ее, покусился сіе сдѣлать, и — пастухами Ификловыми ввергнутъ былъ въ оковы, но свободившись отъ оныхъ посредствомъ

дара прорицанія, взялъ воловъ, привелъ ихъ къ Нелею, и — соединилъ Віаса съ Перо.

(6) Это говорится о пастушкѣ Адонисѣ, плѣнившемъ красотою своею богиню красоты.

(7) Ендиміонъ былъ любовникъ Луны. Юпитеръ за то на него послалъ вѣчный сонъ, что онъ привлекъ къ себѣ любовь Юноны.

(8) Ясіонъ, сынъ Миноса и Нимфы Фроніи, былъ владѣтель острова Крита. Межъ тѣмъ какъ онъ однажды уснулъ на лугу, Церера пришла къ нему — и отъ того родился Плутонъ. Это самое, такъ какъ таинство Цереры, никому изъ непросвѣщенныхъ не было извѣстно.

ИДИЛЛІЯ VI.

(1) Прорицатель Телемъ Евримедъ предсказалъ Полифему, коего лице представляетъ въ сей Идилліи Дамитъ, что Улиссъ нѣкогда лишитъ его и послѣдняго глаза.

ИДИЛЛІЯ IX.

(1) Изъ раковинъ, такъ какъ и изъ тростника, пастухи дѣлали себѣ свирѣли.

(2) Древніе придерживались сего суевѣрнаго мнѣнія, что естьли у кого на носу, или на языкѣ вскочитъ какой пупырышокъ,

то таковый непремѣнно что нибудь солгалъ или не отдалъ заклада, или какъ нибудь обманулъ другаго.

ИДИЛЛІЯ X.

(1) Цвѣтъ сей по Гречески: Ὑάκινθος. Баснословятъ, что Гіацинтъ, сынъ Амиклы, юноша миловидный, привлекъ къ себѣ любовь Аполлона, который оставивъ небо, сошелъ къ нему, и — Гіацинтъ не отвергъ любви Аполлоновой. Симъ самымъ разгнѣванный Зефиръ воспользовавшись временемъ метанія дисковъ, дунулъ на дискъ Гіацинта — и сей нещастный самъ себя умертвилъ онымъ; отъ чего на томъ мѣстѣ выросъ цвѣтъ, названный послѣ гіацинтомъ потому, что на листахъ онаго имя сего юноши, то есть буква Υ, изображается.

(2) Литіерсъ былъ незаконнорожденный сынъ Мидаса. Пѣсня жнецовъ называлась: *ᾠδὴ Λυτιέρσης (пѣснь Литіерса).*

ИДИЛЛІЯ XI.

(1) Древле любовники принося въ даръ своимъ любовницамъ или розы, или яблоки, посылали иногда имъ нѣсколько остриженныхъ кудрей своихъ, и — сіе приношеніе, такъ какъ знакъ нѣжнѣйшія люб-

ви, принимаемо было отъ нихъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

ИДИЛЛІЯ XVI.

(1) Алева, владѣтель Өессаліи, такъ какъ и Антіохъ — были изъ благородной и богатѣйшей фамиліи.

(2) Кранонъ — Өессалійскій городъ, въ коемъ жилъ Скопасъ, одинъ богатый дворянинъ, сынъ Креона и Ехекратіи.

(3) Подъ именемъ Ликійскихъ витязей разумѣются Сарпидонъ и Пандаръ, коихъ Омиръ прославляетъ въ своей Иліадѣ.

(4) Женоподобный Кикнъ былъ сынъ Нептуна, убитый Ахиллесомъ на Троянскомъ сраженіи.

(5) Лаэртъ — отецъ Одиссея, или Улисса. Какъ о немъ, такъ объ Евмеѣ и Филитеѣ, которые изъ пастуховъ сдѣлались министрами, можно видѣть въ безсмертномъ твореніи Омира.

(6) Аөина — тоже что и Минерва. Подъ дщерію здѣсь разумѣется Прозерпина, а мать ея — Димитра, или Церера.

(7) Подъ градомъ Ефирянъ разумѣетъ Өеокритъ Сиракузы. Сей городъ прежде составлялъ колонію Коринөянъ, кои назывались Ефирянами, такъ какъ и городъ ихъ Коринөъ именовался Ефиромъ.

(8) Орхоменъ (нынѣ Оркомено) — городъ, находящійся въ Ливадіи. Хариты любятъ Орхоменъ и почитаются Этеокловыми дочерьми потому, что Этеоклъ, сынъ Кифиса, первый въ этомъ городѣ принесъ жертву симъ милымъ богинямъ. Жители Орхомена ненавидимы Ѳивянами потому, что Орхоменскій владѣтель Оргилъ по смерти отца своего, убитаго на сраженіи подъ Ѳивами, взялъ сей городъ и дотолѣ принуждалъ Ѳивянъ платить ему дань, пока не избавилъ ихъ отъ сего Ираклъ, или Геркулесъ, побѣдившій Орхоменцовъ.

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.	Строк.		читай
17	2 снизу		
	зѣлй	- . -	злѣй.

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 040 000 8
